Камила Левитан
Аудиокнига
20:16
Любимая ❤️
Не могу дождаться нашей встречи...
20:13
Ты самый лучший ❤️
20:14
Сегодня снова только ты... Никто не узнает 😉
20:16
Развод с предателем.
Ты подделал мою измену!

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты подделал мою измену!

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты подделал мою измену! / К. Левитан — «Автор», 2026

Муж показал мне любовную переписку с коллегой. Сообщения были отправлены с моего телефона. Только вот я их никогда не писала!Артём обвинил меня в измене, потребовал развода и отказа от доли в компании. Его бывшая секретарша охотно подтвердила мою «вину».За одну ночь я лишилась дома, денег, работы и репутации.Но они забыли одну деталь.Я — финансовый директор. И знаю, что любая цифровая операция оставляет след!Вместе с частным детективом я начала расследование и обнаружила тщательно подготовленный заговор.Ты хотел сделать меня неверной женой, дорогой? Тогда приготовься узнать, как выглядит настоящий развод с предателем!

© Левитан К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Камила Левитан
Развод с предателем. Ты подделал мою измену!

Глава 1

5:40. Под подушкой жужжит телефон. Я нащупываю его, выключаю будильник и ещё несколько секунд лежу с закрытыми глазами. Вставать надо. Даже поворот головы отзывается болью в затылке: четыре часа сна, три бокала «Сансер» и вечерний звонок с сингапурскими инвесторами — прекрасный рецепт для человека, которому утром защищать финансовую модель.

Сажусь, держась за край матраса, пока тумбочка перестаёт качаться. На ней таблетка цитрамона. Воды нет, за водой надо идти, а я уже считаю минуты до выхода. Давлю таблетку языком о нёбо и глотаю. Горечь остаётся надолго. Раньше я вставала с первого звонка; теперь даже до ванной приходится добираться по отдельному плану.

В ванной включаю весь свет. Большая ошибка. Под глазами два таких пятна, что хочется принести к зеркалу не консилер, а калькулятор: сколько часов сна я должна себе за этот квартал? Тридцать два года, финансовый директор, жена генерального. На фотографии для LinkedIn всё выглядело лучше. Добавляю ещё немного тона, вижу, как он собирается под нижним веком, и стираю пальцем. Хватит. Поздно уже чинить лицо.

График, недосып, стресс — вот о чем я могу говорить. А о том, что полгода жду от мужа хоть одного вопроса, не связанного с работой, говорить страшно. Лучше думать о кофеине, чем о том, почему рядом с мужем я чувствую себя одинокой сильнее, чем одна в квартире.

Артём выходит из душа, и в ванной сразу теснее. Пахнет сандалом, которым он пользуется с нашей первой общей квартиры. Волосы мокрые, зачёсаны назад, на подбородке ещё пена. Я смотрю, как он поправляет пояс халата. До смешного красивый мужчина. И до смешного трудно теперь добиться от него простого разговора.

— Доброе утро. Он говорит это, уже подступая к раковине. По его голосу можно проверить только одно: спешит ли. Сегодня спешит.

Подходит, целует меня в макушку и сразу отступает к раковине. Я чуть подалась ему навстречу, рассчитывая на объятие; приходится делать вид, что просто тянусь за косметичкой. В халате у него руки в карманах. Можно хотя бы одну вынуть. Но просить об этом я не буду.

— Платье тебе идёт, — говорит он, сверяясь с часами. Я успеваю посмотреть на платье, на часы и обратно на его лицо. Кажется, до моего выхода осталась та самая минута, которую он не хочет на меня тратить.

— Спасибо, — я улыбаюсь в зеркало, видя, как его отражение уже отвернулось к раковине. — Удачи с фондом.

Вместо ответа открывает кран. Я остаюсь с пожеланием удачи, которое никому не понадобилось. Занят, встреча, фонд. Повторяю этот список, закрывая косметичку: нельзя же с утра требовать, чтобы муж бросил инвесторов и спросил, как мне спалось.

На 34-м этаже в лифт входит Лена. После истории с пропавшими документами её перевели от Артёма в маркетинг, но здоровается она так, словно всё ещё ведёт расписание генерального. Улыбка широкая, пряди выбились из пучка. Я отступаю к панели: её духи заполняют всю кабину.

Она поправляет воротник блузки. На шее красный след. Зубы? Ремень сумки? Вчера был корпоратив, кого-то наверняка разнесло после танцев. Я смотрю слишком долго, Лена это замечает и не торопится закрыть воротник.

— Марина Сергеевна! — Лена тянется за рукопожатием. Ее пальцы холодные и влажные. — Как ваши дела с квартальным отчетом?

— Отлично, — я отдергиваю руку, пряча её в карман пиджака. — А твои?

Лена смеется. Смех получается высоким, нервным. — Все хорошо. Артём Викторович очень... требовательный руководитель. Приходится соответствовать.

Требовательный. Лена произносит это почти с удовольствием. Мне хочется спросить, чего именно он от неё требует после перевода в маркетинг. Вместо этого смотрю на цифру этажа. Возможно, она опять пытается придать себе значение. Очень удобное объяснение: можно выйти из лифта и заняться отчётом. Только воротник её блузки я почему-то всё ещё вижу.

В переговорной уже весь совет: шесть мужчин и две женщины. Артём занял место во главе стола, папка перед ним закрыта. Я раскладываю свои листы. Он даже не спрашивает, успела ли я сверить последние правки; знает, что успела. Знает и то, что мне в них не нравится.

На экране «Логистика-Юг». Мне предстоит объяснить, откуда возьмётся прибыль, которой в расчётах пока нет. Неделю назад Артём дал мне эти цифры как прикидку: «Посмотри, что можно сделать». Теперь прикидка стала стратегией. Под ней моя должность. Я ещё вчера могла вернуть ему модель. Вчера всё казалось поправимым.

— Марина, задержимся на марже, — говорит Игорь Семенович. Он давно ищет, на чём поймать Артёма, но таблица перед ним моя. — Минус двенадцать процентов к прогнозу. Расчёт проверяли? Или ради объёма подправили расходы?

Тишина. Все смотрят на меня. Потом переводят взгляд на Артёма.

Артём сидит с переплетёнными пальцами. Ни одного слова мне в помощь. Хотя бы повернулся к экрану, будто впервые увидел расхождение. Нет, смотрит прямо на Игоря Семеновича и ждёт моего ответа.

Можно открыть таблицу расходов и показать им, где не сходится прогноз. Проект остановят, а Артём спросит, почему я позволила вынести его на совет. И спросит справедливо: позволила. Можно повторить заготовленный ответ и выиграть время. Для компании или для себя? Я уже знаю, что скажу, и от этого хочется опустить глаза.

— Мы заложили сезонность и возможные задержки на границе, — отвечаю я. На нужной строке таблицы можно было бы задержаться и объяснить допущения. Но я говорю дальше: — Во втором полугодии объёмы должны перекрыть снижение маржи. Расчёт проверен.

Игорь Семенович хмыкает, отмечает что-то на полях. Я слежу за его ручкой. Лишь бы не попросил открыть исходные расходы. Он переворачивает страницу, и я успеваю вдохнуть.

Артём приподнимает бровь. Хорошо ответила? Или теперь он уверен, что я буду прикрывать любую его цифру? Взяла и сказала «расчёт проверен». Слово уже в протоколе, обратно не заберёшь. Откладываю лист с расчётами: пальцы смяли угол, так сильно я держала его во время ответа.

Вечер наступает незаметно. Совещание закончилось, люди разошлись. Остались только мы с Артёмом в его кабинете. Он подписывает бумаги, не поднимая головы.

— Задержусь, — бросает он в телефонную трубку, хотя никто не звонил. Это сообщение для меня. — Не жди меня сегодня. Ужин отменяется.

Он кладет трубку и наконец смотрит на меня. Глаза темные, пустые. — Поедешь домой сама? Такси закажем?

— Сама, — говорю я. — Ты не едешь?

— Поздно буду. Встреча с партнерами.

За ужином у нас каждый день было место друг напротив друга. Иногда Артём дочитывал письма, иногда я. Но знала, что вечером увижу его за столом. За последний год он впервые просто отменил это, словно ещё одну встречу в календаре.

Сегодня можно будет ужинать молча, не изображая интерес к его партнёрам. От этой мысли мне легче, и сразу стыдно: мы ведь раньше ждали вечера вдвоём. Потом вспоминаю время встречи. Десять вечера, пятница. Партнёры теперь требуют и этого? Хочу спросить, но Артём уже смотрит в телефон.

Набираю его номер по дороге домой. Надо спросить, где встреча: если понадобится, буду знать, куда ехать. Короткие гудки. Ну да, занятый человек, пятница. Отключаю звонок, не выбрав ни одного объяснения, которое успокоило бы меня.

В прихожей сам включается свет. Я прохожу в гостиную, ставлю сумку. Ни телевизора, ни музыки. Раз муж ещё на работе, можно спокойно пройти на кухню и решить, чем сегодня ужинать. Я успеваю подумать об этом до того, как вижу бокал.

Я иду на кухню. Там, на столешнице из белого мрамора, стоит бокал вина. Половина выпита. Красное вино, сухое, дорогое. Тот самый сорт, который Артём покупает по субботам.

Рядом лежат два стакана. Один пустой, второй — с остатками воды.

На кухне пахнет вином и чем-то цветочным. Подхожу к стаканам. Цветочные духи я не покупаю: после них к вечеру болит голова. Здесь запах слабый, но различить его хватает и сейчас, после рабочего дня.

На ободке второго стакана след. Розовый. Помада. Цвет «пыльная роза».

На моей помаде в косметичке коричневая крышка; сама помада темнее. Розовый след ей не оставить. Я это знаю, но всё равно мысленно перебираю остальные тюбики, включая почти законченные. Вдруг найдётся тот, о котором забыла.

Лена? У Лены помада обычно нюдовая или бордовая. И она не ходит в мой дом. Кто еще?

Артём был здесь раньше. Раньше, чем написал сообщение. Или... кто-то другой был здесь. Пока меня не было.

Пока я защищала его цифры, здесь кто-то пил вино. Может быть, и раньше. Смотрю на розовую полоску по краю стакана и не могу придумать ни одного объяснения, с которым мне захотелось бы лечь сегодня спать.

Отрываю салфетку, прижимаю к ободку стакана. Помада размазывается, приходится тереть сильнее. Это же улика, Марина. Ты стираешь улику. Но я продолжаю: хочу, чтобы через минуту передо мной стоял обыкновенный чистый стакан, а всё остальное оказалось моей усталостью.

Но пальцы не слушаются. Салфетка скользит по стеклу, оставляя разводы.

Телефон в кармане пиджака вибрирует. Раз. Два. Три раза.

Я не хочу брать трубку. Я знаю, что там будет Артём. Он спросит, добралась ли я. Скажет, что любит. И я поверю. Потому что я устала сомневаться.

Но номер на экране незнакомый. В контактах его нет.

Сообщение. Читаю его дважды, забыв о салфетке в руке.

«Он знает, что ты видела. Беги, пока не поздно.»

Глава 2

Мокрая салфетка осталась у меня в руке. Я перечитала сообщение и посмотрела на окно. С улицы не разглядишь, что я делаю у столешницы. Значит, написал кто-то, кто знал, что меня ждёт дома. Или увидел меня раньше. Зачем я стою здесь и перебираю версии? В офисе за такую задержку я сама бы потребовала ответ.

Сегодня я вернулась на сорок минут раньше обычного. И теперь телефон обжигал ладонь сообщением от незнакомого номера: «Он знает, что ты видела. Беги, пока не поздно.»

Это было глупо. Паранойя. Повторяла это про себя, пока убирала салфетку и ставила стакан обратно. Артём любит меня. Мы вместе шесть лет. У нас общий бизнес, ипотека на пентхаус в центре, планы на детей через год. А этот аноним — это просто чья-то злая шутка или ошибка при рассылке спама. Может, кто-то перепутал номер.

В оконном стекле было видно лицо. Тушь ещё держалась, губы я искусала, пока тёрла помаду со стакана. Поправила волосы свободной рукой. И только потом заметила, что готовлюсь выглядеть прилично перед человеком, которому собираюсь задать очень неприличный вопрос.

Из спальни донесся шорох. Я схватила сумку со стула и пошла по коридору. Артём ведь сказал, что задержится. Почему он дома?

В коридоре сильнее пахло духами. Амбра, табак, сладкая нота, от которой хотелось отойти. На кухне я могла ещё сослаться на доставку или гостей. Здесь запах шёл из нашей спальни. Артём терпеть не мог чужой парфюм на подушках; обычно жаловался даже на мой крем.

Я остановилась, не дойдя до спальни. Надо просто назвать его имя. Одно слово. Открыла рот, сглотнула и почувствовала, как склеилось горло. Из комнаты доносился шорох; кто-то был там и прекрасно мог слышать, как я стою под дверью.

— Артём?

Из спальни шуршит ткань. Я прислушиваюсь: ещё один звук, словно кто-то прошёл по ковру. Артём уже дома? Мне же сказал, что задержится. Надо было позвать громче, а я почему-то стояла и считала шаги.

До спальни оставалось несколько шагов. Я прошла их, стараясь не смотреть на наши фотографии вдоль стены. Сейчас там окажется кто-то в моей постели. Что я стану делать? Кричать? Ударю его? Когда дверь подалась, я уже приготовилась к этой картинке — и всё равно не поняла, что вижу.

Артём сидел на краю кровати. Лена напротив, нога за ногу, как на совещании. Та самая Лена, которой утром пожала руку в лифте. У меня настолько не сходились эти две встречи, что сперва посмотрела на кровать, проверяя, действительно ли это наша спальня.

Оба смотрели на старый домашний телефон у подушки. Я оставила его привязанным к своему аккаунту, когда перешла на новый. Теперь экран был открыт, и эти двое ждали, что я подойду его прочитать. Поцелуй хотя бы не пришлось бы расшифровывать.

Лена посмотрела на меня и осталась сидеть. Даже колени не раздвинула, чтобы встать. Артём повернулся вслед за ней, улыбнулся, как улыбается клиенту после удачно закрытой сделки. У меня плечо ещё упиралось в дверной косяк. У них уже было время приготовиться.

— Марина, ты рано, — сказал он. И даже улыбнулся, предлагая мне войти. — Сядь. Нам надо разобраться с твоими ошибками.

Мои ошибки. Словно я пришла к нему с отчётом, где забыла формулу. Я посмотрела на Лену: она тоже ждала моего ответа. Эти двое заранее распределили роли, и мне предлагалось без вопросов занять единственную свободную — виноватую.

От косяка пришлось отлепиться. Сумка ударила меня по бедру; я сжала ремень, чтобы хоть что-то было в руках. Можно повернуться и уйти к матери. Но тогда останется этот телефон, их улыбки и «твои ошибки». Мне надо было увидеть, что они приготовили.

— Что я сделала? — спросила я. Слышалось хуже, чем мне хотелось: почти оправдание. Пришлось повторить: — Какие ошибки, Артём?

Артём не ответил сразу. Он взял телефон с тумбочки и развернул экран ко мне.

— Посмотри сама. Ты же любишь цифры и факты, правда?

Взяла старый телефон, прижала к нему большой палец. В мессенджере был открыт Дмитрий, директор по развитию. Мы могли спорить о сроках и затратах до ночи, но никогда не переходили на это смешное «Дима», которым начиналось первое сообщение.

Последние сообщения были отправлены час назад. Когда я была в офисе. Когда я подписывала акты и отвечала на письма.

«Дима, мне нужно увидеться сегодня вечером. После семи. У тебя дома или у меня?» «Марина, это рискованно. Артём может узнать.» «Пусть узнает. Мне плевать. Я хочу тебя. Прямо сейчас. Приеду в восемь.»

Я никогда не писала Дмитрию «Дима». Даже в сообщении о срочной встрече, даже после трёх бокалов вина. Он терпеть не мог, когда сокращали его имя. А здесь мы уже назначали друг другу свидание. Время отправки — как раз пока я закрывала переговорную. Сверяю его ещё раз, будто цифра может передумать.

Я свайпнула вверх, проверяя статус доставки. Галочки синие. Доставлено. Прочитано.

— Это не я писала, — произнесла я, но голос звучал глухо, даже для собственных ушей.

— Ну да, конечно, не ты, — сказал Артём и подошёл ближе. Телефон в моей руке ему теперь возвращать было незачем. — Ты забыла, что у тебя всё синхронизировано? Ноутбук, почта, оба телефона. Может, оставила вход открытым. Может, пароль кому-нибудь сообщила. Вспоминай.

Лена встала и одёрнула юбку. Я следила за её рукой: сейчас возьмёт телефон, начнёт показывать, где именно я виновата. Но она только приблизилась и заговорила, а экран оставила мне.

— Марин, я не хотела в это лезть, — сказала Лена. — В четверг помогала Артёму с отчётом. Мне понадобился твой ноутбук, он дал пароль. Там чат открыт. Ну как я могла не сказать? Ты же понимаешь. «Он дал пароль». Эту часть она произнесла быстрее остальных.

Лена произнесла «как я могла не сказать» и поправила край блузки. Ничего не спросила у меня. Ни «как ты могла», ни «это правда». Я хорошо помнила её вопросы на работе: из любой мелочи она вытягивала объяснение на десять минут. Здесь объяснения ей почему-то не требовались.

Сначала смотрела на Лену, потом на мужа. Кто из них первым скажет, что это шутка? Артём всё ещё улыбался. Я отступила на полшага и упёрлась каблуком в порог. В спальне вдруг не хватало места для нас троих.

— Вы инсценировали это, — сказала я и снова посмотрела на время отправки. — Я была в переговорной. Ты это знаешь, Артём.

Артём усмехнулся.

— Назови как хочешь. Переписка сохранена, — ответил он. — Дмитрий подтвердит, что ты его звала. Если понадобится, и следователю подтвердит. А я покажу, что увидел на телефоне своей жены. Как ты это назовёшь тогда?

— Зачем тебе это? — спросила я. Он мог ещё ответить: ошибся, сорвался, ревную. Дать хоть что-то, с чем можно дальше говорить. — Почему ты хочешь разрушить мою жизнь?

Артём подошел к мини-бару, встроенному в шкаф напротив окна. Налил себе вина. Красное, сухое. Потом налил второй бокал и протянул его мне.

— Выпей, — приказал он тихо. — Успокойся. Нам нужно обсудить последствия тихо. Ради бизнеса. Ради репутации компании.

Я взяла бокал. Стекло было холодным, конденсат скользил по пальцам. Смотрела на вино сквозь прозрачное стекло. И вдруг до меня дошло.

Ему не нужно было услышать, что я люблю его. Он не спрашивал о Дмитрии и даже не пытался выяснить, где я была. Подготовил переписку, привёл Лену, дождался меня. Из всего этого я никак не могла вычесть одну вещь: он готовился заранее. И подготовился к тому, чтобы забрать мою долю.

На совете я могу объяснить, откуда взялась сумма в отчёте. Как объяснять чужое «хочу тебя» с моего аккаунта? Он вынесет это раньше моего ответа и предложит решить всё подписью. Переписка сама по себе не даст ему долю, но очень поможет загнать меня к столу с соглашением. Под ним уже окажется моя настоящая подпись.

Приступ ревности так не выглядит. Приступ ревности не сопровождается готовыми скриншотами для совета. Держала бокал, а в другой руке телефон. Когда он говорил о пересмотре долей?

Он следил за каждым глотком, каждым движением моего рта. Видимо, ждал, когда начну оправдываться. Я не могла понять, что больнее: читать эти сообщения или смотреть, как терпеливо муж ждёт моих слёз.

Я сделала глоток. Вино было терпким, с привкусом железа. Или это была кровь на моих губах, которые я прикусила, чтобы не закричать?

— Хорошо, — сказала я. Голос дрогнул, но я взяла себя в руки. — Мы решим это тихо.

Он кивнул и вернулся к разговору о юристах. Сроки, заявление, нужная формулировка — всё уже было готово. Лена отошла с телефоном. Я стояла у кровати и слушала, какое действие они назначат мне следующим.

Вино дало мне занятие: взять глоток, опустить бокал, не разжать пальцы. Артём говорил о юристах, и я заставляла себя слушать. Где хранится переписка? Кто кроме Лены знает пароль? С каждым его словом таких вопросов становилось больше. На вопрос «за что ты со мной так» времени уже не оставалось.

Муж повернулся ко мне спиной. Уверен, что разговор закончен. Раньше я пошла бы за ним, потребовала ответа, попыталась вернуть его внимание. Сейчас позволила ему договорить с юристом. Пока он перечислял, что я подпишу, мне надо было придумать, как сохранить то, чего подписывать я не собиралась.

Из спальни можно уйти в ванную. Там дверь закрывается. Для начала хватит и такого выхода: остаться на минуту без них и подумать.

Телефон в моей руке погас. На экране осталось бледное лицо с плотно сжатым ртом. Разомкнула губы, чтобы не прикусить их ещё сильнее. Кому-то мне придётся рассказать всё это по порядку. И голос должен выдержать.

Мне нужны были технические доказательства. Логи сервера. IP-адреса. История входов с его устройства, если он использовал его для подставы. Мне нужен был кто-то, кто умеет находить следы там, где другие видят только драму. Кто-то, кто ненавидит таких, как он.

Я положила старый телефон обратно на тумбочку. Свой убрала в сумку: с него ещё предстояло проверить входы в аккаунт.

— Артём, — позвала я. Он обернулся. — Мне нужно в душ. Я устала.

Он кивнул, возвращаясь к своему телефону. Лена бросила на меня косой взгляд, но ничего не сказала.

Пошла к ванной, держась так, будто просто устала. Спиной ждала: сейчас позовёт обратно, заберёт телефон, велит показать сумку. За дверью повернула щеколду и только тогда отпустила ремень.

Глава 3

За дверью ванной я включила воду на полную мощность, чтобы шум заглушал любые возможные микрофоны. Я прислонилась спиной к холодной плитке и закрыла глаза.

Вода била по раковине, а я вспоминала, какие бумаги подписала за последние дни. О каких Артём попросил меня «потом поговорить». Выйти отсюда придётся к нему. Но соглашение о доле я сначала покажу своему юристу, даже если муж решит держать меня у стола всю ночь.

И первым шагом будет найти Виктора. Частного детектива, которого мне рекомендовали на одной из корпоративных вечеринок два года назад. Тогда я отказалась от его услуг, посчитав излишней предосторожностью. Теперь он станет моим главным союзником.

Он поможет мне разобраться в подставе, которую Артём считает безупречной. Только вот картинка будет совсем другой.

Открыла глаза и взяла край полотенца, чтобы стереть вино с губ. В зеркале хорошо были видны следы зубов. Хватит себя кусать. Злиться на него можно и без этого.

Лампа над зеркалом мигнула. В этой квартире даже лампы всегда менял кто-то другой. Выключила воду и услышала голоса за дверью. Они никуда не исчезли. Мне ещё предстояло выйти к ним с обычным лицом.

Он дал мне уйти в ванную, уверенный, что я выйду согласной. Я задержалась ещё на минуту. Лена сможет подождать, Артём тоже. Моей долей они распоряжались достаточно долго, чтобы я теперь подумала без них.

Из ванной вышла в гостиную. Слишком яркий свет бил по глазам; я смотрела на папку в руке Артёма, чтобы не встречаться с ним взглядом раньше времени. По мрамору под туфлями тянуло холодом. Идти до двери было недалеко, только муж встал как раз перед ней.

Он стоял между мной и прихожей, постукивал по папке и ждал. Раньше на совете я видела этот жест десятки раз: контрагент долго думает, директор даёт понять, что пора заканчивать. Оказывается, для собственной жены у него имелось то же предложение.

— Подпиши, Марина, — его голос звучал мягко, почти ласково, но от этой мягкости меня тошнило. — Пока полиция не приехала. Если они увидят тебя здесь, в состоянии истерики, с этим... свидетельством измены... Совет директоров заморозит твои опционы. Ты потеряешь всё. А если подпишешь добровольное соглашение о выходе с долей... ты сохранишь хоть что-то. Чистую репутацию. Ну, или хотя бы её видимость.

Я посмотрела на Лену. Она сидела на диване, поджав ноги, и нервно теребила край своей юбки. Её глаза были сухими. Ни одной слезинки. Хорошая актриса. Или плохая жертва.

— Ты ждёшь, что я испугаюсь и подпишу? — спросила я. Пришлось откашляться. — На глазах у Лены? Так, чтобы тебе даже не пришлось объяснять, чего добивался?

— Я думаю, что ты устала, — Артём сделал шаг вперед. — Ты всегда была слабой в отношениях. Сильной в цифрах. Но цифры не спасут тебя от того факта, что твой телефон... наш телефон... полон сообщений Дмитрию из отдела развития. Я могу показать их каждому члену совета прямо сейчас.

Показывать эту переписку совету он приготовился ещё до моего возвращения. Я слушала угрозу, а сама смотрела на папку. Если там соглашение о моей доле, он обошёлся без истерики гораздо раньше меня. Всё обсудил, распечатал и ждал только моей подписи.

— Хорошо, — сказала я, делая вид, что сдаюсь. Мои плечи опустились. — Дай мне ручку.

Он протянул Parker. Ручку я узнала: столько раз подписывали ею подарочные открытки партнёрам. Сейчас перо было направлено на меня, и Артём придерживал колпачок большим пальцем, готовый снять его, как только соглашусь.

Вместо того чтобы взять ручку, отступила до края стола. В кухню можно пройти справа, там окно к пожарной лестнице. Я помнила, как заедает замок. Артём никогда его не открывал: вызывал мастера или велел включить кондиционер. Я открывала. Сейчас эта разница могла пригодиться.

— Не сюда, — прошипела я, продолжая отступать. — Мне нужен свежий воздух. Голова кружится.

Он пошёл за мной. Папку держал перед собой, словно я могла всё ещё взять её и подписать на ходу. Проход к прихожей оставался за его спиной, и каждый мой шаг в кухню отдалял меня от двери.

В этот момент Лена встала с дивана.

— Я помогу вам, Марина, — сказала она, подходя ближе. Её рука метнулась к моей сумке, висевшей на плече. Там лежал мой телефон. Я ещё могла проверить уведомления о входах, сохранить поддельные сообщения.

Её пальцы уже легли на ремень сумки. Если отдам телефон, завтра придётся просить у них скриншоты собственных сообщений. Я дёрнула ремень к себе. Лена не отпустила.

На стойке был стакан воды. Взяла его свободной рукой и выплеснула Лене в лицо. Она смотрела на сумку и заметила слишком поздно. До чего же хорошо, что считала меня занятой только собственным унижением.

Вода плеснула на блузку. Лена вскрикнула, закрывая лицо руками, вода текла по её щекам, смешиваясь с дешевым макияжем.

— Артём! — крикнула я, глядя ему прямо в глаза. — Если я потеряю сознание от шока прямо сейчас, ты будешь первым подозреваемым в её смерти. Нет. В моей. Полиция уже в пути, верно? Они найдут здесь следы борьбы. Синяки. Ты хочешь этого?

Он посмотрел на мокрую Лену, потом на меня. Ручка оставалась у него в пальцах. Ждала, что начнёт кричать; вместо этого он повернулся к плите. Такого ответа я представить себе не могла.

Я ещё не понимала, зачем он выбрал плиту.

Щелкнул переключателем конфорки. Пламя не вспыхнуло, но характерное шипение газа заполнило кухню. Затем он потянулся к вытяжке и выдернул вилку из розетки. Резкий запах газа ударил в нос, вызывая рефлекторную тошноту.

— Что ты делаешь?! — я отшатнулась назад, инстинктивно зажимая рот рукой.

— Условия тебе создаю, — сказал он. — Полиции скажем, что ты пыталась отравиться после своей переписки. Вовремя тебя нашли. Ты сама подумай, кого оставят управлять финансами после такого. Либо подпиши сейчас, либо завтра будут разбираться, здорова ли ты вообще.

Запах усиливался. Я бросила взгляд на закрытое окно. В висках колотилось от страха: он перекрыл выход, а теперь ещё и пустил газ.

«Блеф», — подумала я. Ему нужна история про мою вину.

Я посмотрела на столешницу: рядом с ножом для масла и смятой сигаретной пачкой лежала зажигалка. Маленькая, пластиковая, синяя. Если он потянется к ней — успею ли я к окну?

Рука Артёма оставалась у плиты. Может, он только пугал меня. Но газу всё равно, зачем его включили. Мне надо было к окну, и не через минуту, когда муж закончит объяснять, как именно я потеряю должность.

Я двинулась мимо столешницы. Артём бросился следом, прижав рукав ко рту. Он тоже чувствовал запах. Значит, прекрасно понимал, что здесь происходит, и всё равно не собирался выключать конфорку.

Его руки схватили мои запястья. Пальцы впивались в кожу, оставляя болезненные красные полосы. Боль была острой, пронизывающей. Он силой попытался вложить мне в руку ручку, которую всё ещё сжимал.

— Подпиши, — рычал он, приближая свое лицо к моему. От него пахло дорогим парфюмом и потом страха. — Подпиши, сука!

Между нами было так мало места, что я видела капельки пота над его верхней губой. Артём держал мои запястья, ручка упиралась в пальцы. Он правда собирался добыть подпись прямо здесь. При Лене, при включённом газе. Это уже не надо было объяснять себе усталостью.

«Теперь», — приказала я себе.

Он потянул меня к столу. Я перестала тянуться в другую сторону, дала ему начать движение и резко подалась назад. Одного шага хватило, чтобы освободить место для колена. Ударила в пах прежде, чем он понял, почему я перестала вырываться.

Отпусти. Ну же, отпусти мои руки. Я чувствовала каждый его палец и ждала.

Артём выдохнул воздух, звук был похож на скрип старой двери. Его руки ослабли. Он согнулся пополам, падая на колени на холодный кафель. Ручка выпала из его пальцев и покатилась по полу.

Боль от удара о колено отдавалась в моей ноге, но я не обращала внимания. Я схватила его телефон, который торчал из внутреннего кармана пиджака, пока он стоял на четвереньках, пытаясь восстановить дыхание.

Его экран светился. Там было сообщение от юриста: «Ждем подтверждения от Марины».

Я открыла духовку. Изнутри ударило тепло. Он оставил духовку включенной. Поднимать шум из-за разбитого телефона я уже не боялась.

Артём поднял голову. В его глазах был ужас. Не от боли. От потери контроля.

— Нет! — простонал он.

Я швырнула его телефон внутрь разогретой камеры и захлопнула дверцу.

Дверца хлопнула. Пусть достает — мне нужны были хотя бы несколько секунд до его следующего звонка юристам.

В этот момент Лена, оправившаяся от воды, бросилась на меня. Её ногти вцепились в мои волосы, натягивая кожу головы так, что я чуть не закричала.

— Остановись! Ты ничего не добьешься!

Её ногти тянули волосы назад, но плечом я ещё могла двинуть. Толкнула Лену к острову. Она зацепилась ногой за стул, ударилась плечом о край столешницы и съехала вниз. Я дождалась, когда разожмёт пальцы: бежать с её рукой в волосах не получится.

Она застонала и перестала цепляться за меня.

У меня оставалось несколько секунд. В прихожей загрохотали: кто-то стучал во входную дверь. Охрана? Соседи? Проверять я не собиралась.

Я подтянула ремень сумки на плече. Телефон и документы были на месте. Телефон в сумке ударился об остров, когда я вырывалась. На экране пошла трещина, но он ещё светился.

У окна дёрнула за рычаг. Замок заел, пришлось упереться второй рукой в раму. Знала, что нужно ещё чуть вверх, и всё равно первый раз потянула не туда. Со второго створка открылась. Холод хлестнул по пальцам и по лицу; наконец можно было вдохнуть, не чувствуя газа.

Холодный воздух ударил в лицо. Запах газа остался за спиной.

Глава 4

На лестницу вылезала боком, следя, чтобы сумка не осталась в окне. Металл под туфлями скользил. Пришлось поставить обе ноги на ступень и крепко взять поручень, прежде чем спускаться. На руках уже болело всё, к чему прикасалась.

Сверху, из открытого окна, донесся крик Артёма. Он орал, что сейчас придут люди, что я никогда не смогу доказать свою невиновность, потому что все видели нас вместе. Что я сумасшедшая. Что я преступница.

Я остановилась на промежуточной площадке между этажами. Холодный ветер бил в лицо, трепал волосы, остужал горящие щеки.

Я посмотрела вверх, туда, где светилось окно моей бывшей квартиры.

— А вот об этом ты не подумал! — крикнула я вверх. На обычный голос он мог не обратить внимания. — Мне ещё есть кому показать твои файлы, Артём.

Я достала свой телефон. Экран светился в темноте.

— Я знаю пароль от твоего облака! Уже поставила логи на отправку. Через час получат сотрудники и журналисты. Не отменю — значит, что-то со мной случилось. Ты лучше подумай, как тогда объяснишь эту кухню!

— Дай мне уйти, — сказала уже тише. Он вряд ли расслышал. Мне нужно было самой услышать это. Я ничего не подписала, а он всё ещё стоял наверху. Может быть, побежит проверять рассылку. Может быть, мне хватит времени.

Сверху больше не кричали. Не знаю, поверил ли он мне. Поверил бы хоть на пять минут — столько нужно, чтобы уйти от дома. Я держалась за поручень и старалась ступать тише, хотя ноги слушались плохо.

Я начала спускаться дальше. Ноги дрожали. Колени подгибались. Холод проникал под тонкую ткань костюма, но я чувствовала только облегчение.

На следующей ступени туфля поехала в сторону. Рванулась к перилам, ударилась о них запястьем и повисла на секунду, пока не нашла ногой опору. Даже короткий вскрик не выпустила: Артёму наверху не надо знать, насколько плохо я спускаюсь.

Я посмотрела на время. 23:47.

До рассвета ещё несколько часов. До того момента, когда Артём поймет, что я блефовала насчет пароля (потому что я ничего не отправляла, я просто знала, что он там есть, и надеялась, что его паника заставит его проверить) — осталось меньше часа.

Или больше?

Он мог проверить облако хоть сейчас и понять, что рассылки нет. Я следила за окном, пока снова спускалась: если исчезнет оттуда, надо уходить быстрее. Телефон в руке работал. Хотя бы этим он пока не распоряжается.

Внизу шли машины. Я смотрела на перекрёсток, который каждый день проезжала по пути на работу, и выбирала, куда свернуть теперь. Домой нельзя, в офис ещё попробую попасть. Улица осталась той же, маршрут придётся менять.

За углом был круглосуточный бар. Там однажды встречала Виктора, детектива, которого рекомендовали мне два года назад. Адрес помнила, номер в телефоне тоже должен остаться. Вспоминать, какое впечатление он тогда произвёл, будем после того, как уйду от дома.

Я не знала, поможет ли он мне. Я не знала, найду ли я его там. Но я знала, что не могу вернуться в тот пентхаус. Там меня ждали наручники, клеймо предательницы и смерть моей карьеры.

На лестнице так продувало, что я прижимала локти к бокам. На мне всё тот же рабочий костюм. Когда выйду на улицу, люди даже не догадаются, откуда я только что выбралась. Главное — не заплакать посреди перехода, пока ищу, куда идти.

Я сделала шаг вниз. Потом еще один.

В голове звенело: 60 минут. 60 минут на то, чтобы найти доказательства, прежде чем он восстановит контроль. 60 минут, чтобы понять, был ли мой блеф удачей или стратегией.

Я коснулась экрана телефона. Черный квадрат отражал моё лицо. Бледное, исцарапанное, но живое.

«Беги, пока не поздно», — писал тот анонимный номер.

Кто это был? Виктор? Или кто-то другой, кто тоже ненавидел Артёма?

Номер сохранила. Позвонить ему сейчас? Я даже не знала, чего он добивается. Сначала надо спуститься. Уже внизу решу, кто сегодня хочет моей подписи, кто моего телефона и кто хотя бы согласен выслушать.

Я вышла на уровень земли. Металлическая дверь пожарной лестницы со скрипом открылась.

Шаг. Другой.

На улице подвернула воротник, хотя шею он не закрывал. До первого перекрёстка не обернусь. Если оглянусь и увижу его, опять захочется разговаривать. Сегодня достаточно того, что я вышла сама.

Я шла прочь от дома, который был тюрьмой. И навстречу войне, которую сама объявила своему мужу.

В паркинге у служебного лифта холодно. Прижимаюсь к металлической стене, зажимаю ключи в кулаке, чтобы не звенели. Мне всего-то нужно подняться в кабинет и взять рабочие бумаги. Сергей стоит перед дверью, а я заранее узнаю выражение его лица: сейчас попросит не заставлять его звонить начальству.

— Марина Сергеевна, — голос охранника звучит мягко. Слишком мягко. Это хуже агрессии. Хуже крика. Это жалость. На бейдже «Сергей». Имя я знаю, просто смотреть в лицо ему сейчас неприятно. Он уже дважды отвёл глаза к двери лифта. Может, боится, что я заставлю выбирать между мной и приказом. — Артём Викторович дал четкую инструкцию. Доступ для вас закрыт до окончания корпоративного разбирательства. Простите.

Три года Сергей здоровается со мной по имени, спрашивает, как дела. Его зарплата есть в каждом бюджете, который я защищаю. Сегодня я даже не могу пройти мимо него к лифту. Он сдвигается в сторону, но только чтобы показать табличку «Доступ ограничен». Колени плохо держат. Я упираюсь каблуком в пол и заставляю себя слушать до конца. Утром это не отменят; Сергей получил слишком подробную инструкцию. Артём успел не только приготовить папку для меня, но и объяснить охране, кем я теперь считаюсь. — Понятно, — говорю я. Голос срывается, но я глотаю ком в горле. — Спасибо, Сергей.

К машине иду быстро, пока Сергей не решил проводить меня. Белая Audi Q5 стоит там, где я оставила её утром. На годовщину Артём торжественно вручил мне ключи. Тогда я рассмеялась и сказала, что достаточно было цветов. Хорошо хоть запасные ключи потом взяла сама. Сажусь за руль. Поворачиваю ключ. Тишина. Ни щелчка стартера, ни вздоха двигателя. На приборной панели вспыхивает красным глазок иммобилайзера. Ошибка системы безопасности. Телефон в кармане пиджака вибрирует. Одно уведомление: «Удаленная блокировка устройства активирована. Контакт с сервисом». Пробую запустить двигатель ещё раз. Красная лампа не исчезает. Даже машину он не оставил в покое. Бью кулаком по рулю, сразу жалею: костяшки саднят, легче не стало, ехать она тоже не собирается. Сергей наверняка услышал. Пусть думает что хочет. Положить руки на колени, выдохнуть и ещё раз проверить сообщение. «Блокировка активирована». Никакая задержка со стартером, никакой мороз. Мне придётся искать другой способ уехать отсюда, а подарок на годовщину пока оставить мужу. Запасной ключ лежит в сумке. Пробую его — та же красная лампочка. Значит, дело не в ключе. Выбираюсь наружу и захлопываю дверь. Машину придется оставить. Сейчас мне важнее выбраться самой.

Я поднимаюсь по пандусу на поверхность. На выходе из подземного паркинга дорогу пересекает Лена. Она не одна. Рядом двое мужчин в серых костюмах. Юристы? Охрана? Их лица каменные, как манекены в витрине магазина люкса. Лена улыбается мне, как посетителю, которому назначили встречу не на тот день. От её духов хочется отвернуться. Утром я искала этому запаху какое-нибудь мирное объяснение; теперь просто жду, когда она договорит и освободит мне дорогу. — Марина, — она подходит ближе, не снимая очков от солнца, хотя на дворе уже ночь. — Артём просил передать... Если ты не подпишешь бумаги о добровольном уходе сегодня ночью, он подаст заявление о краже имущества и несанкционированном доступе к корпоративным серверам. Тебя могут задержать прямо здесь. Прямо сейчас.

Те двое стоят у неё за плечами. Я переставляю сумку на другую руку: эта болит после хватки Артёма. Если сейчас начну спорить с Леной, спор запишут и покажут как нападение. Поэтому обращаюсь к мужчинам. Пусть представятся сначала. Я смотрю на юристов. Они переминаются с ноги на ногу, ожидая команды. — Вы из полиции? — спрашиваю я. Тихо. Холодно. Юристы переглядываются. Один из них, тот, что повыше, хмурится. — Мы представляем интересы компании, — говорит он, но голос неуверенный. — Покажите удостоверение, если собираетесь меня задерживать, — сказала я. — Нет? Тогда отойдите. Или сами звоните в полицию. Расскажете, зачем перекрыли мне дорогу, я расскажу про квартиру. Быстрее получится.

Один уже отвёл взгляд к пандусу. Хорошо. Если бы у них был реальный приказ задержать меня, они бы не обсуждали, чьи интересы представляют. Отступить самой всё ещё хочется, но я всё ещё работаю здесь, а не пришла к ним в гости. Обхожу мужчин по краю пандуса. Лена бросает мне вслед что-то про «последний шанс», но за руку больше не берёт. На улице иду быстрее. Внутри всё ещё потряхивает: произнести «звоните в полицию» было гораздо легче, чем представить этот звонок.

Глава 5

Круглосуточное кафе у торгового центра пустует в два часа ночи. Только пара студентов у стойки пиццерии да уборщик, шаркающий шваброй. Я выбираю самый дальний столик, в тени колонны. Сеть ловит плохо, сообщение уходит не сразу. Я достаю телефон. Экран треснут после драки в квартире, паутина линий режет изображение. Я набираю номер Виктора. Того детектива, которого рекомендовали мне два года назад. До бара я так и не дошла: сначала попыталась забрать машину и рабочие бумаги. Теперь хватит. Сообщение отправляется. Крутится колечко загрузки. Ответа нет. Часы тикают. Каждая секунда — риск того, что Артём уже набрал 112 и рассказывает историю о жене-истеричке, которая угрожает сотрудникам. Я вижу своё отражение в темном стекле витрины напротив. Тушь потекла черными ручьями по щекам. Губа разбита. Глаза красные, воспаленные. Волосы выбились из пучка. «Истеричка» — написано на мне или я сама всё время его повторяю? В витрине плохо видно лицо, зато потёкшую тушь видно прекрасно. Отмотаю эту ночь в показаниях — и всё равно придётся объяснять, почему я так выгляжу. Плохая минута для фотографии. Рядом со столом стоит высокий горшок с растением. Я почему-то смотрю на него и думаю, как удобно было бы сесть за ним, где никто не видит. Перестать держаться хотя бы на минуту. Но официантка уже идёт сюда, и я выпрямляюсь раньше, чем она успевает пожалеть меня. Достаю зеркальце. На треснувшем стекле видно, где потекла тушь. Смачиваю салфетку, убираю чёрные полосы с щёк. Сильнее тереть нельзя, кожа уже жжёт; да и не починю я здесь всё лицо, сколько бы ни старалась. Не для красоты. Для войны. Консилер и салфетка хотя бы уберут размазанную тушь. Они не уберут синяки, но на встрече с Виктором мне надо говорить, а не объяснять каждую чёрную полосу под глазами. Тереть сильнее нельзя: кожа уже жжёт. В зеркальце остаётся красный глаз, кусочек щеки и трещина между ними. Лучше, чем было. Убираю салфетку, закрываю зеркальце и возвращаю себе сумку на колени. Мне сейчас никто её не должен брать без спроса.

***

— Кофе? Чай? Поднимаю глаза: официантка уже у стола. Держит блокнот, не торопит с заказом. Молоденькая, с веснушками. Мне хочется, чтобы перестала рассматривать лицо, но тогда сама должна хотя бы сказать, что принести. — Нет, спасибо, — отвечаю я сухо. При слове «кофе» вспомнила, что сегодня почти не ела. Желудок свело. От напитка с кофеином сейчас станет только хуже, а попросить полноценный ужин почему-то стыдно. Пока даже воды достаточно. — Тогда воды? — настаивает она. — Вы выглядите бледно. — Хорошо. Воду. Она приносит стакан. Я тянусь за кошельком. Карта кредитки. Та самая, золотая, с логотипом банка, который обслуживает нашу компанию. Прикладываю к терминалу. «Превышен лимит». Перезагрузка. «Карта заблокирована». На экране терминала «Карта заблокирована». Официантка ждёт, и от этого хуже, чем от самого сообщения. Несколько часов назад я утверждала платежи на миллионы; сейчас нечем рассчитаться за воду. Банк хотя бы мог уведомить заранее. Но банк спрашивал явно не меня. Роюсь в карманах старой куртки, которую нашла на заднем сиденье машины и надела поверх пиджака. Мелочь. Монеты, которые я собирала для чаевых в такси и ресторанах, потому что «так удобнее». Жалкая сумма. Сто рублей. Может, двести. Я выкладываю их на стол. Дребезжащий звук монет кажется оглушительным в тишине кафе. — Воду и батончик шоколадный, — говорю я. Она пересчитала монеты, придвинула одну обратно: хватило. Я убрала её в карман, не глядя на номинал. Позже посмотрю. Сейчас неудобно уже оттого, что приходится беречь сдачу. — Спасибо, — она собирает монеты. Я ем шоколад. Быстро, механически. Сахар дает энергию, но не тепло. Шоколад липнет к пальцам. За два часа я дошла от собственного кабинета до подсчета монет на воду. Нет, за этими монетами к нему я не вернусь.

***

Телефон вибрирует. Экран светится именем: Артём. Телефон дёргается по столу. Его имя почти заполняет экран, а я смотрю так, словно оно должно исчезнуть само. Взяла аппарат, прижала к ладони. Два часа назад выбралась от него — теперь могу хотя бы сама решить, когда отвечать. Я не беру трубку сразу. Смотрю на имя. Шесть лет мы были вместе. Шесть лет он знал, как давить на мои болевые точки. Сейчас он использует главную: чувство вины и желание комфорта. Вибрация прекращается. Звонит снова. Я принимаю звонок. Ставлю на громкую связь. — Марина, где ты? — его голос мягкий. Бархатный. Такой, каким он говорил мне «люблю», когда мы планировали бюджет компании. Когда он покупал мне молчание за дорогие подарки. Я молчу. Слушаю дыхание в трубке. — Я волнуюсь, — продолжает он. — Давай я пришлю машину. Мы решим все мирно. Ты же знаешь, я не хочу тебе делать больно. Вернись домой. Мы обсудим развод цивилизованно. Как взрослые люди. Ещё недавно в этой квартире пахло газом. Теперь он предлагает прислать машину, сесть и спокойно поговорить. Я слушаю знакомый голос и на секунду правда хочу, чтобы машина приехала. Вот что пугает: он знает, сколько мне надо устать, чтобы я согласилась на любой разговор, лишь бы разрешили сесть в тепло. Я вспоминаю, как он шептал эти слова, глядя мне в глаза, когда подсовывал мне документы о передаче доли акций. Доверяй мне, Марина. Я лучше знаю. Тишина в ответ оказывается громче любого крика. Я кладу трубку. Не говорю ни слова. Не спорю. Просто отключаю звук. Его голос обрывается на полуслове. Оставляет меня в вакууме. На экране снова его имя. Я переворачиваю телефон. Ответить хочется ужасно: объяснить ему, что он не имеет права, услышать хоть одно оправдание. Но ответ я уже получила на кухне. Здесь он только повторит просьбу о подписи.

***

Экран телефона вспыхивает. Сообщение от неизвестного номера. Текст сухой, без приветствий: «Я видел твою машину на парковке БЦ "Москва-Сити". Иди к северному выходу. Там есть камера, которая пишет в архив, а не в реальном времени. Если хочешь жить, не возвращайся туда, где тебя ждут. У меня есть 15 минут, пока я не уехал».

Виктор существует. В сообщении точное место моей машины. Значит, человек действительно видел паркинг. Я не уверена, что это Виктор: детектив мог бы и представиться. Перечитываю «пятнадцать минут» и смотрю на часы. Один разговор всё равно нужен, а ждать здесь до утра мне не на что. Но оставаться одной — верная гибель. Артём не остановится. Следующий шаг будет не словесным, а юридическим. Полиция. Конвой. Новые обвинения, под которые он постарается подогнать любое мое слово. Мои ноги гудят от усталости. Голова кружится от сахара и адреналина. Я встаю. Поправляю куртку. Стираю последние крошки шоколада с пальцев. Я иду к северному выходу. Сквозь толпу призраков — закрытые двери магазинов, мигающие вывески, гул вентиляции. Люди вокруг кажутся мне декорациями в театре абсурда. До северного выхода — меньше минуты. Если он и правда Виктор, пусть сначала объяснит, что знает. Я застегиваю куртку до горла и иду: здесь ответов мне никто не даст.

***

Северный выход ведет в тупиковый переулок между торговым центром и стройкой. Ночной ветер бьет в лицо, холодный, резкий, как пощечина. Я останавливаюсь. Сердце колотится в горле. Передо мной стоит темный внедорожник. Огромный, черный, тонированный так, что нельзя разглядеть водителя. Стекло опускается с тихим электрическим жужжанием. Из открытого окна пахнет кожей и табаком. В машине тепло; я успеваю почувствовать это на лице и сразу понимаю, как сильно хочу туда сесть. Плохая причина доверять незнакомому человеку, но она есть. Мужчина за рулем не посмотрел на меня. Он сидел неподвижно, глядя в лобовое стекло на мигающую красную точку светофора в конце улицы. Он не приглашает меня сразу. Я держу ладонь на ремне сумки, жду. Сейчас скажет цену? Попросит документы? В окне отражается моя куртка, мокрая и чужая этому автомобилю. Поворачивается, рассматривает лицо, потом сумку. Я стою на расстоянии, с которого могу отойти. Он видит, как я это расстояние

сохраняю, и говорить мягче не пытается. Он сказал, глядя мне в глаза: — Залезай. Или оставайся ждать полицию. Выбор за тобой, Марина.

Глава 6

На следующий вечер Виктор отвёз меня к Ковалёвым. Я сама попросила. Ольга называла меня дочерью, свёкор спрашивал о делах компании — они хотя бы выслушают, прежде чем выбрать сторону. Оставив Виктора у машины, я дошла до ворот. На золотой табличке фамилия семьи. Моя тоже; пропустить меня это почему-то не помогло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.